

РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОБАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи между применением институтов probation и проблемой рецидивной преступности. Автор исследует теоретические основы probationных механизмов и выявляет системные противоречия их российской модели, сводящейся преимущественно к административному контролю.

Ключевые слова: Рецидив преступлений, probation, уголовно-исполнительные инспекции (УИИ), ресоциализация, альтернативные наказания.

Традиционные карательные подходы, доминировавшие в XX веке и фокусировавшиеся на изоляции и лишении свободы как основном инструменте, продемонстрировали свою ограниченную эффективность в предотвращении повторных преступлений. В ответ на эту методологическую и практическую тупиковость в глобальной пенитенциарной политике начал утверждаться парадигмальный сдвиг в сторону концепций, объединенных общим термином «probation». Probation, понимаемая в своем широком смысле как комплекс мер надзора, социально-психологической работы и реинтеграционного сопровождения, применяемых к осужденным в обществе как альтернатива лишению свободы или как форма постпенитенциарной поддержки, позиционируется в качестве ключевого механизма разрыва порочного круга «тюрьма – освобождение – новое преступление». Однако внедрение и реализация probationных механизмов в национальных правовых системах, в том числе и в Российской Федерации, сопряжены с комплексом институциональных, ресурсных и культурных проблем, напрямую влияющих на их конечную эффективность в снижении уровня рецидива.

Философской и криминологической основой probation выступает отход от ретрибутивистской модели правосудия, центрированной исключительно на воздаянии, в сторону моделей реабилитационной и реинтеграционной направленности. Основной тезис заключается в том, что изоляция индивида от общества, сопровождающаяся его стигматизацией и разрушением социальных связей, скорее способствует криминализации личности, нежели ее исправлению. Как отмечает один из ведущих исследователей пенитенциарных систем, «тюрьма является школой преступности, где новички обучаются более изощренным методам противоправной деятельности, а также усваивают криминальные нормы и ценности». Probation, в противоположность этому, строится на принципе сохранения социальных связей индивида, пусть и в условиях осуществления за ним контроля и возложения определенных ограничений. Ее задача – не изъятие из общества, а создание в его рамках поддерживающей, но структурированной среды, которая способствовала бы позитивным поведенческим изменениям. Теоретически такая среда минимизирует факторы, традиционно способствующие рецидиву: утрату жилья и работы, разрыв семейных отношений, приобретение криминального статуса в глазах окружения.

Важнейшим компонентом современной probationной теории является концепция факторов риска и потребностей. Согласно этой модели, эффективное вмешательство должно быть основано на индивидуальной оценке конкретных факторов, повышающих вероятность рецидива у данного человека (например, антисоциальные установки, криминальное окружение, проблемы с зависимостью), и его специфических потребностей в реабилитации (образовательных, психологических, профессиональных). Вмешательство должно быть соразмерным уровню риска и отвечать особенностям личности осужденного. Таким образом,

пробация перестает быть универсальным набором формальных ограничений и превращается в индивидуализированную программу изменения поведения. Имплементация подобных подходов требует высокой квалификации сотрудников УИИ, наличия диагностических инструментов и сети социальных служб, что создает значительные практические сложности.

Международные исследования в целом подтверждают корреляцию между широким применением пробационных мер и снижением уровня рецидивной преступности по сравнению с короткими сроками тюремного заключения. Мета-анализы показывают, что хорошо структурированные и ресурсно обеспеченные программы пробации могут приводить к статистически значимому сокращению повторных правонарушений. Эффект наиболее выражен в случаях, когда пробация сочетает в себе элементы контролирующего надзора (проверки, электронный мониторинг) и поддерживающих услуг (трудоустройство, психологическое консультирование, лечение зависимостей).

В российской правовой действительности основным субъектом пробации выступают уголовно-исполнительные инспекции. Анализ официальной статистики ФСИН и научных исследований последних лет рисует неоднозначную картину. С одной стороны, формальные показатели рецидива среди лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества (исправительные работы, принудительные работы, условное осуждение), традиционно ниже, чем среди освободившихся из колоний. Это можно интерпретировать как доказательство эффективности «неизоляционной» модели. С другой стороны, эти данные требуют осторожной интерпретации, поскольку на учет в УИИ часто попадают лица, изначально совершившие менее тяжкие преступления и представляющие меньшую общественную опасность, что само по себе снижает потенциал рецидива. Более показательным является анализ рецидива среди тех, кто был осужден условно или к иным мерам, но впоследствии их нарушил и был отправлен в места лишения свободы. Здесь прослеживается серьезная системная проблема.

Основной функцией УИИ в текущем виде остается контроль и надзор: проверка явки осужденных, контроль за соблюдением наложенных судом ограничений, реагирование на нарушения. Ресоциализационная, поддерживающая составляющая их работы – помочь в трудоустройстве, разрешении социально-бытовых проблем, психолого-педагогическое воздействие – развита слабо и носит зачастую формальный характер. Кадровый дефицит, чрезмерная нагрузка на инспекторов, отсутствие межведомственного взаимодействия с органами социальной защиты, занятости, здравоохранения приводят к тому, что пробация в ее российском исполнении редуцируется до административного контроля. Осужденный, находясь в обществе, сталкивается с теми же проблемами, что и освобожденный из колонии: дискриминация на рынке труда, долги, семейные конфликты, но при этом не получает системной помощи в их решении, а лишь обязан регулярно отмечаться в инспекции. В такой ситуации риск срыва и совершения нового преступления остается высоким. Как справедливо отмечается в одном из исследований российской пенитенциарной системы, «основной парадокс заключается в том, что государство, возлагая на УИИ задачу исправления осужденных, не предоставляет им для этого ни достаточных полномочий, ни необходимых ресурсов, оставляя за рамками их компетенции ключевые сферы жизнедеятельности человека».

Проблемы отечественной системы пробации в кардинальном снижении рецидива коренится в глубоких институциональных противоречиях. Первое из них – это доминирование карательной парадигмы в общественном сознании и в профессиональной среде правоохранительных органов. Пробационные подходы, основанные на гуманизме и реинтеграции, воспринимаются как «мягкость» и попустительство, что создает сопротивление их развитию как на уровне законодателя, так и на уровне правоприменительной практики судов и инспекторов.

Второе противоречие – организационное. УИИ входят в структуру ФСИН – ведомства, чей основной исторический и культурный код связан с исполнением наказаний в виде лишения свободы. Логика тюремного учреждения, основанная на изоляции, безопасности и единобразии, плохо совместима с логикой социальной работы, требующей гибкости, индивидуализации и партнерства с гражданскими институтами. Сотрудники УИИ, многие из которых имеют опыт службы в исправительных учреждениях, зачастую переносят охранно-контрольные стереотипы на свою новую деятельность, что ведет к гипертрофии надзорной функции в ущерб поддерживающей.

Третье, и наиболее важное, противоречие – ресурсное и методическое. Штатная численность УИИ не соответствует реальному объему нагрузки. Инспектор, на которого могут быть возложены обязанности по наблюдению за сотнями осужденных, физически не способен заниматься глубокой индивидуальной работой с каждым из них. Отсутствует единая научно обоснованная методика оценки рисков и потребностей осужденных, подобная зарубежным инструментам. Нет налаженных механизмов взаимодействия с центрами занятости, наркологическими диспансерами, социальными службами. Помощь в трудоустройстве, если и оказывается, сводится к формальному направлению в службу занятости, которая зачастую не в состоянии предложить реальные вакансии людям с криминальным прошлым. Все это приводит к тому, что пробация функционирует как система пассивного наблюдения, фиксирующая нарушения, но не способная активно предотвращать кризисные ситуации в жизни подконтрольного лица, которые и толкают его к рецидиву.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Рецидивная преступность и ее предупреждение. – М.: Норма, 2018.
2. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2019.
3. Дьяченко А.П., Уткин В.А. Альтернативные лишению свободы меры уголовно-правового характера: проблемы применения и эффективность. // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 87-99.
4. Овчинский В.С. Стратегия борьбы с преступностью. – М.: ИНФРА-М, 2018.

